

Беседа

Как только солнце красочным пожаром разгоралось на горизонте, старик Афанасий выходил выгуливать собаку. Тёмно-рыжая дворняга Динга свободно носилась по пыльной дороге. Никто не держал её на поводке, не приказывал куда идти. Старик шёл следом, наслаждаясь прохладой тихого утра. Собака старалась не ускользнуть из виду и потому далеко не убегала. Да и маршрут был хорошо известен обоим. Вдоль улицы, на которой стоял их дом, мимо старой школы и до оврага, где старик поставил скамью. Поначалу смастерил лавочку, но потом пригвоздил спинку, и получилась весьма добрая скамейка. Присядет Афанасий, поставит рядом клюку, передохнёт. Пока Динга ходит по нужде и игриво носится туда-сюда, можно полюбоваться пейзажем. Вид в этих местах открывался необыкновенный. Вдали сосновый бор, а внизу узенькой тропинкой петляет река. Обычно в это время от реки шёл туман. В небе ярким костром полыхают облака, а внизу веет прохладой. Забавно.

Этим утром Афанасий так же вышел из дому чуть свет и не спеша поковылял по улице, опираясь изредка на клюку. Проходя мимо школы, где когда-то учились его дети, остановился. Как и каждое утро, доброй волной нахлынули тёплые воспоминания. Старик улыбнулся, передохнул и пошагал дальше. Сейчас школы нет, и детей возят в соседнее село за семь километров. А когда-то, ещё лет восемь назад, в этих местах, где пустует двухэтажное здание, стоял неутолимый весёлый гам. Жизнь шумела всюду. Где дети, там и жизнь. Рядом с юностью и старики чувствуют всегда себя моложе.

Приближаясь к оврагу, Афанасий заприметил ещё издали чей-то силуэт. Кто-то сидел на скамье. Подойдя ближе, старик узнал гостя. Это был Егор Конюшкин.

– Утро доброе, – поздоровался Афанасий и присел рядом.

– Привет! – отозвался Егор.

– Чего скучаем?

– Да-а, – Конюшкин мотнул головой. – Не будет закурить?

Афанасий достал из переднего кармана рубахи «примачка» и протянул собеседнику. Егор прикурил, поблагодарил, сделал глубокую затяжку.

– Продрог весь, как бирюк, – прохрипел мужчина. Затянулся. Сплюнул. Перевёл взгляд на собаку, что гуляла рядом. – Очнулся у реки – ни живой ни мёртвый. Трясусь, тела не чувствую.

– У себя чего не спалось?.. Повздорил?

– Повздоришь тут, когда она окаянная даже слушать меня не желает. Слова лишнего не скажи, ноздри раздует, – Егор затянулся, стяхнул толстым мизинцем пепел. – Ей слово, она десять. Что за ушлая баба. Нет бы помолчать – что ты! – потёр щетинистый подбородок, вздохнул. – Из трюма я.

– Опять?

– А чего? Я там теперь чаще, чем дома бываю. Зараза.

О том, что последнее время Егор не уживался с супругой, старик знал. Знали многие. Бранились, как на войне – с выбитыми стёклами, с разбитой мебелью, с приездом полиции. Ссоры, конечно, бывали и раньше у них, но чтобы так... Никогда дело не доходило до «обезьянника». Последние полгода в семействе Конюшкиных это стало частым явлением.

– Башкою своей не думает, на что жить будем. Гоже ещё, что Прохор терпит. Отца покойного уважал и любил. Но и у него нервы не каменные. Пошлёт на три советских сегодня, и куда я пойду? Сама нигде не работает и меня последнего заработка лишает, ведьма.

Прохор Гаврилович имел свой малый бизнес. Всю жизнь, прожив в селе, и не собираясь покидать родную землю, ещё в девяностые годы скупил за бесценки колхозные земли и теперь успешно разводил свиней и коров. Большими партиями сбывал мясо, молоко и овощи. Целым гектаром выращивал картошку и капусту. Дело у фермера потихонечку, но шло. Многие односельчане трудились вместе с ним, хоть какой-то имея заработок. Прохора Гавриловича Егор знал с малых лет. Тот дружил с отцом и нередко захаживал к ним в гости. И когда с работой в селе стало трудно, Конюшкин один из первых обратился к тому за помощью.

– Пытайся сдерживать себя. В любом конфликте соглашение найти можно.

– Как же, поговоришь с ней, со змеюкой такой. Так она и послушает.

– Ну а руки распускать каждый раз – это тоже не дело.

– Я её пальцем ни разу не тронул, – Егор бросил окурок на землю, растоптал ботинком. – Ни разу. Всю мебель побил, а её... Кричать кричал, но чтобы силой обидеть. Никогда.

– Просто так забирать не станут.

– Свояк у меня там работает. Подкаблучник поганый. Так моя чуть что, сразу сестре – помощи, убивают. А с самой волосок ни один не упал. Они приедут, я на нервах. В избе всё переворошил. Так они меня, голубчика, под белые рученьки – пожалуйста. Не впервой я у них.

– Действительно второй дом нашёл, – с досадой протянул старик. – Ну и как там?

– Чего как? А-а, да ничё. Кормят, кстати, неплохо. Есть время подумать, поразмышлять о жизни. Только вот относятся, как к скоту последнему, словно

человек и оступиться не может. Первые разы ещё не замечают. А когда уже зачистил, и обматюгать могут, и дубиной приложить по спине, запросто, – Егор провёл ладонью по небритой щеке. – Весной этой утопленичка вылавливали. Вода прохладная была, но уже купались. А тут дожди пошли, колотун стоял несусветный. Так нас пятерых в «буханку» покидали и вперёд. Тоже вот, не каждого попавшего взяли. Пьянчут всяких да бродяг. И меня к ним сунули, гады. Привезли к пруду и велят нырять. Эти-то сразу одежду с себя побросали и в воду, а я ещё копошусь. Получил по загривку. Обматюгали с ног до головы. Голос злой. Видно не до шуток им – жмурика найти надо. Пришлось раздеться. А вода холодная. Промёрзли до посинения.

– Нашли?

– Нашли. Куда он от нас денется. Потом неделю соплями харкались, – Конюшкин для убедительности покашлял в ладонь. – Так что, вот так. А вчера вечером выпустили, домой решил не идти. Обида таилась. Выговориться хотелось. Чего доброго, опять упекла бы. Дай, думаю, самогоном душу вылечу. Пошёл к Клавке, у неё хорошая. Взял в долг, нарвал яблок и на реку. Ноченька какая была, а! Звёздная, тёплая. Всю душу истеребил, пока размышлял о жизни. А поутру очнулся, себя не чую, – Егор сморщил лоб, опустил голову. Немного помолчал. – Вот так и живём, дед.

– Н-да, – протянул Афанасий. – Что тут скажешь... Ничего хорошего.

– Кто бы спорил. Да только как её, жизнь-то, лучше сделать, а? Да никак. Не по любви сошлись, вот и мучаем друг друга. Раньше хоть какая-то малость уважения была, сейчас и её нет.

– Тогда и жениться нечего, коль не по любви.

– Легко сказать. А, поди, найди её, любовь-то. Она за каждым углом что ли прячется? Полюбишь какую-нибудь кокетку ещё, потом в петлю залезешь. Нет уж, спасибо. Да и кому я нужен с такой работой и заработком. Смолоду не набрался ума, теперь вот кусай локоть. Рядом, а фигушки. Дураком был, что в армии не остался. Другая жизнь была бы, думаю.

– А так по трюмам лучше мотаться? – спросил Афанасий. – Это не жизнь.

– Одному жить тоже не дело. Одиночество быстрее стугбит. А то, что не по любви... Да больше половины так живут. То ли, как и я, не любя сошлись, то ли потом узнали, что не та она оказывается единственная. И ничего же, живут. Можно же жить и притворяться, что всё хорошо.

– Нельзя.

– Да можно, можно! Ещё как можно! – Егор встал на ноги, нервно прошёлся взад вперёд. – Живут же люди. Живут, я знаю, – опустил голову, провёл ладонями по лицу. – Всем охота семью. И юным, и сорокалетним. Всем. Никто не желает быть один. Так почему бы не притворяться, что всё хорошо. Ведь так?

– Нет, Егор, не так.

– Да как же не так-то?! Всё так. Так. Можно же и на притворстве счастье построить. Ну... – Конюшкин приумолк, перевёл дыхание, жалобно произнёс. – Ну, ведь можно же, дед?! Можно.

Афанасий склонил голову. Что говорить не знал. Да и что тут скажешь. В голосе Егора чувствовалась боль, что невозможно было сейчас спорить и опровергать его слова. Но разве есть в них правда? Разве можно на притворстве счастье обрести? Ведь они с Евдокией сорок семь лет прожили вместе и через всю жизнь пронесли любовь друг к другу. А ведь тоже и ссоры были, и обиды, и недопонимания... Как без этого. Но всегда были открыты друг перед другом,

жили с правдой. Никакого притворства, никакой лжи. Не мог Афанасий, как бы и не старался, понять, как можно жить с человеком без уважения и доверия, который стал тебе чужим, притворяться, что всё хорошо. Не мог.

– Допустим, – кивнул старик. – Но что же тогда у тебя не всё ладно? Что же не счастлив, раз всё хорошо?

– У меня... Я... – Егор зажмурил глаза, помолчал, открыл, сдвинул брови. – Я детей хочу. Дочку. Сына. Хочу малышей. Тридцать восемь лет прожил, дед, а сказать нечего. Как один день пролетела жизнь. Ничего путного не было. Вся жизнь в двух словах. Сядешь, бывает, вечером на крыльце, закуришь, и до того одиноко и тоскливо становится, что хоть волком вой. В груди всё от боли сжимается, так и хочется вырвать сердце и растоптать. Для чего живу, зачем? Были бы дети, хоть какой-то смысл появился. А так... Ведь во мне доброта есть, я знаю. Только вот за одиночеством, за непониманием и за злобой спряталось глубоко внутри, что не найти. Я ведь, когда к Прохору в избу захожу, так у меня сердце в радостях бьётся как шальное, когда внучка его встречать выбегает. Возьмёшь на руки, прижмёшь к себе, а она за нос тебя схватит и смеётся. Самой всего три годика, а столько радости, мне, взрослому дураку, приносит. Начну с ней играть, а сам чувствую, как внутри меня всё хорошее просыпается. Так охота весь мир приобнять и сделать, что-нибудь доброе. Так... – у Егора задрожал подбородок, он ещё сильнее нахмурил брови и отвернул взгляд.

– Так в чём же дело? – спросил Афанасий.

– Не хочет она детей.

– Почему?

– Не знаю. Не хочет и всё, – Егор снова попросил закурить. Афанасий достал сигарету, отдал. Конюшкин прикурил, сделал глубокую затяжку, выдохнул носом. – В прошлом браке, говорит, натерпелась. Хватит. Привязанной быть ни к кому не хочет. Поначалу как-то откладывали всё на потом, теперь и вовсе не желает. Не нужны ей дети.

– Детей воспитывать в любви и гармонии нужно. А если как у вас – то мир, то война... Сам должен понимать. Нехорошо это.

– Я всё понимаю, дед. И ей об этом же не раз твердил. Родил ребёночка, да я тебя на руках носить буду, ноги целовать, слова грубого не скажу... У нас ведь последнее время только на этой почве ругань и происходит. Я ей про детей, она – отстань. Да какое отстань! Скоро на кладбище место выбирать, а ей всё отстань. Всё хихоньки да хахоньки, – Егор поднялся на ноги, нервно перебирая губами сигарету. – Придёшь с работы, на столе пусто. В холодильнике остатки вчерашнего супа. Чем, спрашиваю, весь день занималась? Ничем. На диване пролежит, а мужа с работы встретить по-людски не удосужится. Трудно на стол накрыть, чтобы, как у всех – зашёл в избу, а тебя аромат свежего борща встречает. Сама нигде не работает... Согласен, у нас тут с работой непросто. Но хотя бы по дому занимайся, по хозяйству. Женщина ты или не женщина, в конце концов! Какого поросёнка и того завести не можем.

Егор бросил окурок под ноги, растоптал каблуком. Присел на скамью.

– Родил ребёночка, слова лишнего не скажу. Сиди хоть до старости дома. Только воспитывай. До ночи работать буду, – Конюшкин посмотрел на старика. – Только и знает нос воротить. Это не так, то не то. Извини, министр не стану.

В небе в сторону реки пронеслась утка. Где-то на задах пропел песню петух. Поглядывая на макушки сосен, Афанасий вспомнил Евдокию и сыновей.

Жену схоронил, дети давно разъехались по городам, но каждое лето и в новогодние праздники навещают старика. Не забывают, кто перед сном целовал им ручки и рассказывал сказки. Приятно с возрастом осознавать то, что и ты внёс в этот мир частичку себя, из маленького комочка воспитал таких орлов, которые, пусть и далече от дома, но всегда будут славить родного отца и нести людям свет. В этом большой смысл. С годами осознаётся это особенно.

– Начнём с Настенькой в прятки играть...

– Что, прости? – Афанасий задумчиво перевёл взгляд.

– Я говорю, когда у Прохора в гостях бываю, с внучкой его в прятки играем. Больно уж ей нравится. А тут как-то спряталась, значит, за занавеской, я нашёл. А на подоконнике у них кактус стоит. Она мне – дядь, погладь цветок. Я – зачем? Она – надо. А я-то знаю, что он колется. Коснулся пальцами иголок, сделал вид, что укололся, мащу ладонью, а Настя смеётся. Ах, ты, говорю, хитрюнька такая, – Егор впервые за всю беседу улыбнулся. И сказано из его уст было и вправду смешно, что и Афанасий расплылся в доброй улыбке. – Обманула, говорю, дядю. Обманула.

– Дети они такие. Лишь бы пошалить, – согласился Афанасий. – У меня же парни росли, сорванцы ещё те. Прихожу домой как-то раз, уселся обедать, слышу, под столом Барсик песни распевать стал. Глотку тянет, голос противный. Ну и пнул я его разок тапкой. А он, бедный, с боку на бок переваливается, а на лапах устоять не может. Не пойму сначала, в чём дело, заболел, думаю, может. Потом выяснилось, что валерьянкой его напоили. Вот архаровцы. Сами, спрашиваю, додумались или услышали от кого да решили попробовать? Сами – смеются. Вот и скажи... сообразалку какую иметь надо, а?

Егор тоже тихонько закряхтел, засмеялся. Весело мотнул головой, глаза сузились. Старика было приятно, что из задумчивой, грустной беседы перешли на лёгкий разговор. О детях и, правда, было интересно поговорить. Смешных и весёлых историй он знал много. Да и Егору, как ему показалось, захотелось послушать и поговорить о чём-то более оживлённом и веселом. Ну её, печаль, к такой-то бабушке. Погрустили и хватит. Всё наладится. Обязательно наладится. Не всегда жизнь идёт белой полосой, понимать это тоже нужно.

– Ты голодный, наверное? – спросил Афанасий.

– Есть немного.

– Вот что, пошли-ка ко мне, перекусим малость, – сказал старик, и они с Егором не спеша вышли на улицу. Динга бежала впереди, указывая дорогу и виляя весело хвостом. – А тут ещё случай был...

Засмеялся Афанасий, и Егор, глядя на старика, тоже улыбнулся.

Дядя Вася

— **П**осмотри, какой он маленький и голодный, давай оставим его у нас, – просила сестрёнка. Я стоял рядом и держал в руках котёнка, который только недавно открыл глаза.

– А куда мы Базьку денем? – спрашивала мама.

– Никуда. Будут жить вместе. Он станет ему папой, – отвечала Валюша.

Мама вздыхала. Мы с сестрой смотрели на неё с таким лицом, словно нам только что показали игрушку, но играть ей пока не велят. Мама шла на хитрость:

– Тогда придётся Базилио уйти жить на улицу.

– Ничего, – заявляла Валюшка. – Он не пропадёт.

– И тебе его не будет жалко?

Валя молчала. Я постарше сестрёнки и знаю, что никуда Базьку не выгонят. Ага, так он и ушёл.

– Не будет, – утверждал я.

Котёнка оставляли до поры до времени. И пока мы с сестрой по очереди тискали и кормили живую игрушку, мама размышляла, кому бы его отдать. Как правило, долго котята у нас не задерживались. Но на смену одним приходили другие. И мы всё так же упрашивали маму оставить этот дрожащий пушистый комочек у нас. Не представляли мы детским сердечком, как можно такого кроху бросить одного на холоде и под дождём. Мама понимала это. Но так же знала и то, что если каждый раз поддаваться нашим уговорам, квартира в скором времени превратится в звериный приют. И потому котят всегда оставляли до первого хозяина, который, правда, появляться не спешил.

Из всех котов, что у нас жили, мне хорошо запомнились Базилио и Васька. Хотя много их было. Только отчего-то все не уживались подолгу. Базилио прожил с нами семь лет. Любимец отца. Папка любил кошек. Когда вечерами смотрел телевизор, Базилио всегда лежал рядом. Стоило отцу уйти на кухню, кот шёл следом. Раздавалось громкое просящее мяуканье. Иногда слышался папин крик:

– На! На! Когда же ты лопнешь.

Наш кот имел одну странную и раздражавшую всех привычку. Он постоянно хотел есть. Был жадным на еду. Сколько ему ни дай, всё будет мало. Уже и не лезет, и не хочет, а всё равно орёт. От меня всегда получал тапочкой. Наверное, поэтому шуточки свои со мной такие не выкидывал. Только папка шёл на поводу у избалованного Базьки. Но и он иногда срывался и кричал на наглую кошачью морду.

А вот кота Ваську я любил. Он был такой же в полоску окраски, как и Базилио, только не ленивый. Васька был грозой птиц. Ловко карабкался по деревьям, быстро бегал и умело охотился на голубей и воробьёв. Любил подраться. Всех котов побил в нашем дворе. Забегал и в чужие дворы схлёстываться с местными котами. Мальчишки прогоняли его то палками, то камнями, но тот всё равно забегал в их двор и хозяйничал. Я уважал Ваську.

– Эх, Васёк-Васёк, не умрёшь ты своей смертью, – говорила бабушка. Мама забинтовывала побитому хулигану лапы, мазала зелёной ушью, лоб и соглашалась с бабушкой.

Бывало и в нашем дворе доставалось ему от соседей. Поймает голубя, распотрошит – одни перья кругом. Кому это понравится? Особенно доставалось ему от старика Василия, который часто мешал охоте. Заприметит кота, крадущегося к воробьям, что беззаботно трепыхаются в пыли, щёлкнет кнотом. Васька в одну сторону, птицы в другую.

– Чаво глазами рыщешь? – спрашивал меня дядя Вася. – Разбойника своего любимого потерял? Не ишшы. В крапиве он.

– Как?

– Так. Сколь раз говорил, будет озорничать, пришибу.

Я заглядывал в крапиву, обжигался, топтал ногами жгучую траву и никого там не находил.

– Нету? – ухмылялся дядя Вася. – Ничё. Не седня завтра там будет. Ушибу чем-нибудь.

– Только попробуй.

– Поговори мне ишо. Заступничик нашёлся. Я ему за голубя... Божью птицу губит.

– А чего они здесь разлетались?

– Ишь ты! Тебя забыли спросить. Мал ишо так рассуждать.

Старик Василий присаживался на лавку, поправлял кепку, смотрел на меня добрыми глазами.

– Зачем кота Васькой назвал? Рази можно животному имя человечье давать? Антоном, небось, не кличешь. А чаво? Вышел из дому и кричи, чтоб все слышали: «Антошка! Антошка!» А я посмеюсь.

Дядя Вася шутя бранился. Я отмахивался рукой, молчал. Любил он порой без злобы за что-нибудь меня проучить. Я, как правило, не молчал и тоже говорил в ответ что-нибудь умное. Дядя Вася в шутку сердился, щурил глаза, но кончики губ его улыбались. Я видел это и потому отчаянно спорил. Но так бывало не всегда. Если случалось где набедокурить, тут уж держись. Мог и по спине огреть. Старик не был злым, но озорства не терпел. Только вот кто не озорует мальчишкой? Но дяде Васе это не объяснишь. Был он большим тружеником. С раннего утра и до позднего вечера всегда чем-нибудь занимался. Небольшого роста, ходил в зелёной рубашке, рукава которой заворачивал по локти, и синем трико. При работе на руках его взбухали толстые вены. Очки, которые он надевал, когда что-нибудь делал, крепились обычной резинкой. Во дворе, перегородив небольшой участок забором под огород, трудилась его супруга – тётя Нина. За деревянным общим туалетом стоял их хлев с огромными сушилами наверху. Живность у дяди Васи имелась. Свиньи, козы, овцы, куры, и даже телёнок, которого выгонял поутру и привязывал к иве. Коз и овец пас, а чтобы те не разбегались кто куда, у дяди Васи висел на плече настоящий пастуший кнут. Щёлкнет им, аж в ушах звенит. Тут поневоле по струнке заходишь. Я тоже научился бить кнутом. И даже неплохо у меня выходило. Но не сразу он стал слушаться в моих ладонях. Бывало, махнёшь разок – как розгой ударил по земле. Полоса длиннючая.

– Кто так бьёт? – говорил дядя Вася. – Выше задирай. Сильней лупи.

И я лупил. Старался как можно резче и сильней хлестануть о землю. Но ничего не получалось.

– Э-э, – кивал головой дядя Вася. – Это не со старшими пререкайся. Гляди суда!

Дядя Вася брал кнут. Тот оживал в его крепкой ладони и вытворял чудеса. И со спины, и с боку щёлкал по земле и, не касаясь её, над головой разрезал воздух. Только пыль клубилась у ног. Я восхищался и с жадной завистью смотрел на волшебные руки старика.

– Ну, чаво здесь сложного? Дурак и тот смогёт.

Мне было обидно. Раз уж дурак сможет так же, то почему у меня не выходит. Я брал кнут и пробовал снова. Но ничего не получалось. Дядя Вася посмеивался:

– Руки, они ить тоже не только из плеч растут.

Я сердился и всеми силами хотел доказать, что и я могу, что ничем не хуже. Обида душила, слёзы наворачивались на глаза, рука уставала. В тот момент, когда я готов был уже сдаться, раздался долгожданный щелчок. Сердце моё дрогнуло. Я оглянулся. Дядя Вася одобритительно кивнул. Я расплылся в улыбке. Попробовал снова, не получилось. Но теперь-то я не отчаивался. Я знал, дело пойдёт. И, правда, ничуть не хуже научился потом. Так же умело хлестал, рассекая воздух и пыль поднимая столбом.

Рано утром дядя Вася с косою уходил к парку Победы, что располагался неподалёку от нашего дома, рядом с храмом, косить траву. Под вспотевшей рубахой играло красное, жилистое его тело. Он любил работу, и работа его любила. Потому всегда с какой-то блажью и восторгом было наблюдать за ним, когда он брался за дело. Всё в его маленьких скрюченных ладонях оживало и работало как часы. Будь то пассатижи, наждак, топор или коса. Умел всё. Затем на самодельной тачанке привозил скошенную траву в наш двор и расстилал для сушки возле своего гаража.

Мы, детвора, любили во что-нибудь поиграть и всячески подурачиться. Одной из забавных игр была игра «двенадцать палочек». Смысл игры был таков – на какое-нибудь полено или кирпич ложилась доска, и на один её край укладывали двенадцать палочек. Разбивали. И пока тот, кто водит, собирает палочки, другие разбегаются кто куда и прячутся. Водящий начинает искать. И если даже найдёт кого, не факт, что отыгрался и передал эстафету другому. Нужно ещё первым успеть прибежать и разбить «палочки», не забыв крикнуть во всё горло имя того, кто будет водить. А бывало и такое. Нашёл водящий игрока, бежит с ним наперегонки к заветной доске, а там её уже кто-нибудь разбил. Чья-то нога постаралась. И вновь собираешь палки, прикусив от обиды губу. Особенно так любил делать Санька Коробов. Убежит на другую сторону дома вместе со всеми, оббежит его, спрячется у арки и выглядывает, пока ты не уйдёшь. Вот и крутишься у доски, как встревоженная наседка. Только зазеваешься или отойдёшь на минуту – бац! Собирай по-новому. Санька-негодник постарался. Любил этот Санёк всю малину испортить. Исплюёшься весь, пока водишь. Но тут неожиданно и к большому счастью для «водилы» приходил на помощь дядя Вася. Несёшься, как слонopotам угорелый, вдоль стены дома и сараев, и нет-нет, да угодишь туда, где у старика трава сушится. Заприметит дядя Вася озорство и давай хаять, как только может. И сразу каким-то новым, щемящим сердце азартом, воплощалась игра. Вроде бы тебя, как и прежде, ищет водящий, но в то же время опасно было попасться на другой стороне дома сердитому старику. Как бы уже два игрока следили за каждым твоим неверным шагом.

Обычным осенним невзрачным днём, взрослые, непривычно для них, начинали суетиться. Дядя Вася точил на наждаке огромный нож, тётя Нина носилась с тазами, а Сергей, их сын, настраивал паяльную лампу, которая фырчала и сердито плевалась огнём. Я прижимался спиной к углу дома и ждал – что-то будет. Появлялись и другие ребяташки. И всех нас не покидала догадка, что что-то сейчас произойдёт. Все в предвкушении ожидали чего-то жутко интересного. Детское предчувствие нас не подводило. Минутами позже раздавался громкий свинячий визг. Свиное тело подвешивали за ноги, и жёлтые языки пламени ласкали его бока. Мы подходили ближе, но нас прогоняли. Ругались, чтобы мы не мешались. Но мы всё равно стояли рядом и с интересом наблюдали за происходящим. Чернее чёрного обугленное свиное тело со скрежетом скоблили ножом. Дядя Вася подзывал нас к себе, желая угостить палёными свинными ушами и хвостом. Мы не спешили принимать такое угощение.

– Ну, чаво испугались? – улыбался, глядя на нас, старик. – Кто смелый?

Знал дядя Вася, как нас подзадорить. Мы брали из его рук горячие чёрные уши и пробовали на вкус, по очереди передавая друг другу. Ухо приходилось подолгу жевать, так просто оно не откусывалось. Не хватало только горсточки соли. Но и без неё это лакомство мы оценивали достойно.

– Ну вот, а ишо брать не хотели, – расплывался в улыбке старик. – Лучше всяких конфет.

Чтоб не обидеть доброго соседа, мы смеялись и кивали головой.

Иногда дядя Вася ходил на реку удить рыбу и несколько раз брал меня с собой. Удочки были его. Я только выносил из дому ведро под улов, чем сильно веселил старика.

– Ты так всю рыбу изловишь, – подшучивал дядя Вася.

Я улыбался и хвастался, что так оно и будет. На берегу Вичкинзы каждый рассаживался, как ему было удобно, насаживал на крючок червя и забрасывал леску. Поплавок лениво качался на лёгкой ряби воды. У меня не клевало. Поплавок мой только и знал, что привлекал какую-то одичавшую стрекозу. И как бы я её ни прогонял, она всё равно возвращалась. По воде забавно носились водомерки, и мне было любопытно за ними наблюдать. Как ловко они бегают и не тонут. У дяди Васи клевало, и он умело вылавливал тёмно-зелёных ротанчиков и серебристо-зелёных гольянов. Снимал с крючка и запускал в моё ведро, которое, не успев ещё прийти, я наполнил речной водой.

– И как потом рыбу делить будем? – спрашивал я.

– Как и положено, – подмигивал дядя Вася. – Та, что побольше, моя.

Я понимал шутку старика, но всё равно с досадой жаловался, что не клюёт совсем. Дядя Вася велел мне сменить червя и обязательно на него плюнуть. Я делал всё, как он велел – плевал на наживку.

– Ишшо! Не жалеяй, – подбадривал меня старик. А потом советовал забросить ближе к кустам, а ещё лучше в самую лунку крышки колеса, которое лежало на дне. Я так и делал. И удача мне улыбнулась. Одного за другим я стал вылавливать ротанов. Но не любил я эту рыбу тем, что уж больно глубоко заглатывала она крючок. Дядя Вася огромными пальцами умеючи освобождал рыбину и бросал в ведро. Старик знал, где клюёт хорошо и куда нужно закидывать леску, но я своим детским доверчивым сердцем верил, что всё это благодаря плевкам. Ведро наше потихоньку пополнялось хвостами. Даже парочка небольших окуньков составила компанию нашему улову. Радости моей не было предела. Но каково же было моё удивление, когда, придя домой, дядя Вася отдал всю рыбу мне.

– Душой отдохнул, и то хорошо, – сказал тогда он.

Тёплой ноченькой любил старик заночевать на улице под открытым небом. Укладывался на деревянной лежанке, что сам смастерил когда-то, и укрывался какой-нибудь старой телогрейкой или одеялом. Иногда принимал немного на грудь и, разговаривая вполголоса сам с собой, любясь ночным небом, погружался в сон. Я хорошо помню то осеннее утро девяносто восьмого года. Ночью шёл дождь. Опавшая жёлтая листва прилипала к сырому асфальту. Я, как обычно, с портфелем, ещё полусонный, шагал в школу. А по возвращению узнал, что дядя Вася умер. Похороны прошли быстро и тихо. В первую очередь помянуть старика позвали детей. Потом поминали взрослые. Со временем живность, которую держал старик, пустили под нож. Нekomу стало обихаживать, привозить поутру на тачанке только что скошенную траву и стелить у гаража для просушки. С уходом дяди Васи испарилась в нашем дворе частичка чего-то старого и доброго из далёкой жизни. А немного погодя, все мы шагнули в двадцать первый век. И моё весёлое звонкое детство перешло незаметно в зелёную, полную мечтаний юность. Но я по-прежнему помнил старика. Его упорства, приткности, жизнелюбия и трудолюбия не хватало. Долго ещё очень многое напоминало о нём в нашем дворе. Кругом и

всюду оставались поделки, сделанные золотыми руками простого трудящегося человека.

Зимний праздник детства

Как бы ни говорили, что зима холодная, суровая и лютая, а лето – зелёная красавица, солнышком греет, всё же и зимой для меня всегда было и остаётся одно волшебное и сказочное время. И время это предновогоднее. Когда за долгие дни так соскучишься по снегу, что белый пух, укутавший землю, приносит столько неопишуемой радости, словно его ты увидел впервые. Особенным подарком всегда было, если снег выпадал ночью. Проснёшься утром в школу, лениво пройдёшь к раковине, умоешься, глянешь в окно, а там всё белоснежным покрывалом устелено. Зимняя сказка пришла. Радости, восторга... сна, как и не бывало. Что для мальчишки снег? Это, в первую очередь, игра. Коньки, лыжи, снежки, горки, крепости, царь-горы и сальто с крыш сараев в сугробы. Всё это было. Начало зимы приносило с собой неопишуемый восторг чего-то нового. Но пролетали недели, месяц, другой, и снег уже так не радовал, как раньше. Даже нас, детвору, не говоря уже про взрослых, для которых зимние забавы остались в далёком прошлом.

Для меня начало зимы всегда ассоциировалось с двумя праздниками. Во-первых, это день моего рождения. А какой ребёнок не любит это торжество? Это только с возрастом всё меньше и меньше приносит радости ещё один прожитый год, приближающий к старости. А когда тебе восемь лет – это праздник подарков, игрушек и прочего-прочего, вплоть до того, что не идти в школу. Сейчас я хорошо понимаю, что не все дети могут порадоваться своими именинами, как и любым другим весельем. И в этом, в первую очередь, заслуга взрослых. Спасибо маме и бабушке за то, что у меня было детство. С морем любви, нежности и заботы.

Другим праздником был Новый год. Ожидания этого дня всегда неугомонно теребило сердце. Снег давно уже выпал и преобразил улицы, дома, дворы, деревья пушистыми хлопьями маленьких кристаллов. Под ногами приятно похрустывают снежинки и перемигиваются в лунном свете озорными звёздочками. Красота! День рождения тоже давно уже позади, и хочется ещё чего-то нового, восторженного, прекрасного. И оно есть. Новый год на носу. И все готовятся к нему кто как умеет. Мы с сестрёнкой вырезаем из бумаги узорные снежинки. Каждый из нас старается, чтобы его рукоделие оказалось лучшим. Но мама хвалит нас обоих, и мы радостные берёмся за ножницы и вырезаем новые. Бабушка зимой к нам приходит часто. Довязывает то, что не успела у себя. И тот, кому она вяжет, частенько подходит примерять начатую кофту. Печь натопилась, и в комнате тепло, хоть и огромная она у нас. Постройка дома старая. Потолки высокие, аж под четыре с лихвой метра. Окна широкие, полукруглые. Попробуй прогрей такую громадину. Хорошо, что была печка, и она выручала. Батареи тоже были. Но тепла от них было немного. Видимо зарплату кочегарам платили такую, что они лишний раз ленились бросить лопату угля. А некоторые и того, не выходили из хмеля. Взрослые всем домом ходили ругаться, но это не всегда помогало. Тогда набирали в ведра уголь, который, к счастью, был, и топили им печь.

– А у меня больше снежинок, – радуюсь я, сосчитав свои и сестрёнкины изделия.

– Не хвастайся, – говорит мне мама. – Много, это ещё не показатель качества.

– Они у тебя некрасивые, – утверждает Валюша, и я тут же хмурю брови. Мама подходит к нашему столу и, разглядев внимательно снежинки, уверяет нас, что таких красивых она никогда и нигде не видела. Всё-таки хорошая у нас мама. Знает, как сказать, чтобы мы с сестрой больше не спорили. И мы идём вешать бумажные узоры на окна. Я взбираюсь на подоконник и на влажное стекло наклеиваю бумагу, которая ложится, как на клей. Окна у нас в квартире двойные. Весной, когда становилось тепло, запасные рамы снимали и убирали за шкаф, где те послушно дожидались морозов. Осенью они снова приходили в пригодность. Их ставили, и мама, заложив щели ватой, промазывала вокруг пластилином. И если мне нужен был вдруг пластилин, я знал, где его брать. Но место добычи липкой игрушки быстро находили. Я получал подзатыльник и старался больше не совать туда нос.

– Вот теперь и у нас с улицы видно, какие нарядные окна, – радуюсь я и зову бабушку. Баба Зоя откладывает вязание, подходит к окну и одобрительно кивает головой.

– Молодцы! – по-генеральски хвалит нас она, и мы с сестрёнкой расплываемся в улыбке.

Теперь ещё ближе ощущается приход долгожданного праздника, к которому готовились все. А уж я и Валюша особенно. На кровати полёживал кот Базилио, единственный, пожалуй, в квартире, кому не было дела ни до чего. Хоть увешай всё гирляндами, он и усом не поведёт. Летом его редко можно было застать дома. Как барин, приходил только обедать и вновь уходил по делам. Зимой же никакой метлой на мороз не выгонишь. Хотя, если признаться, никто и не выгонял. Отец покупал ему мойву и ливерную колбасу, и тот за долгую зиму набирал такой вес, что с трудом вкарабкивался на диван. И вообще не был похож он на того старого, истрёпанного и слепого кота Базилио из «Приключения Буратино». Разве что оттенком и полосами.

Зима у нас, как я помню, всегда была щедро снегом. Не то, что сейчас. В Крещение морозы ударяли такие, что трещало всё вокруг. Февраль тоже выпадал студёным, и по несколько дней сидели дома. В школу в холода бегали только те, кому нужно было исправить двойки. В классе три-четыре ученика, и учителя, занимаясь пройденным материалом, понимающе кивали и ставили пусть не всегда заслуженную, но положительную оценку. Хорошие у нас учителя. Всех вспоминаю с тёплой улыбкой и нежностью. Особое уважение и благодарность несю в своём сердце перед моим классным руководителем, Сергеем Ивановичем Ерёминым. Натерпелся он всё-таки с нами, с сорванцами. Но что бы ни было, всегда за нас заступался и стоял горой. Какой же это большой и порой неблагодарный труд. Только с годами понимаешь это.

Ежели с сестрёнкой во дворе начинали что-то лепить из снега, то пока не промокнем до нитки, домой ни шагу. Щёки пылают огнём, по спине катится пот, а мы, два карапуза в шубах, катаем комки. Снеговик получался никудышный, но он был наш и потому казался нам милее всех снеговиков на свете. Я вставлял ему ветви, и тот с растопыренными руками важно поглядывал на нас.

– Антош, я краски принесу, разукрасим пуговицы ему? – предлагала сестрёнка.

– Давай, – соглашался я.

Валюша убежала домой, а я, пока её не было, утаптывал валенками снег, не зная чем же ещё себя занять. Что ни говори, а одному не так весело играть.

Пока её ждёшь, успеешь сто раз замёрзнуть. Сестра появлялась с красками и в новых штанишках.

– И чего так долго?

– Чай с вареньем пила, – не желая меня обидеть, сообщала она.

– Чай пила?

– Мама и тебе велела идти переодеться.

Я ворчал, забирал акварель и пытался разукрасить снеговика один. Но это не ком катать, тут я и, правда, как бы ни старался показать, что мне не холодно, быстро зяб и бежал домой. И как приятно было скинуть с себя сырую одежду и присесть у горячей печи. Если бабушка была в гостях, то по всей квартире стоял аромат свежееиспечённых пирогов. Уж чего-чего, а пышными ватрушками, блинами и пирогами она любила нас побаловать. Больше всего мне нравились пироги с картошкой – других я не признавал. Особенно с повидлом, потому как однажды сильно обжёт губы и язык этой самой начинкой. Уже с возрастом полюбил я и другие пироги, но только не с повидлом. Видимо, детская неприязнь глубоко запряталась где-то в подсознание. Пусть так. Не всё же уплетать за обе щеки.

Как только в гости заглядывала зима с метелью и стужей, мама вывешивала за кухонным окном кормушку. И пусть она была не такой правильной и красивой, всего-навсего вырезанная из пластиковой бутылки, но птицы были рады и этому. Хоть во дворе и росли две рябины, и одна под самым нашим окном, всё же птахи были рады каждой лишней крошке. На нитке подвешивали кусок сала, и им тут же спешили полакомиться синицы. Как только появлялись пернатые гости, мы с Валюшей бежали к окну. Но птицы, приглядевшие нашу кормушку, разлетались, и мы их долго не видели.

– Не пугайте, – говорила мама. – Пусть привыкнут.

– Мама, а птичкам холодно? – спрашивала сестрёнка.

– Холодно.

– А давай одну домой возьмём, – предлагала Валюша. – Ту, с жёлтым животиком.

– Они у нас, милая, жить не будут. Им свобода нужна. Они не ручные, – мама обнимала сестрёнку и объясняла, что, если бедных птах покормить, то сытым им никакой мороз не страшен. И когда к кормушке вновь прилетали птицы, мы с замиранием любовались ими, чтобы не спугнуть. Пусть кушают. Со временем пернатые привыкали к нам и переставали бояться.

Отворялась входная дверь, в прихожей слышался шум и веяло холодом. Вот она драгоценная минута, которую мы с сестрой так ждали. Вернулся папа. И не один. Приволок с собой настоящую лесную красавицу, без которой не обходится ни один новогодний праздник. Мы бежали в прихожую посмотреть и, может, даже помочь, если нам позволят. Но нас отгоняли в сторону.

– Не мешайтесь, – говорила бабушка и провожала нас в зал. Но и оттуда нам было всё видно. На полу лежала живая ёлка, с осыпающимися иголками, зелёная и колючая. На ветвях её оттаивали остатки снега, превращаясь в большие капли. Отец подмигивал нам и начинал раздеваться. Красные щёки его всё ещё пылали от мороза, и рыжие усы красовались на добром лице. Ох уж эти его усы! Такие смешные. Сам он брюнет, а усы рыжие. Бывает же так.

– Мы можем игрушки доставать? – спрашивал я.

– Доставайте, – разрешали нам.

Мы с Валюшей спешили в комнату. Я взбирался на табурет, затем на стол, на котором стоял телевизор, и только после снимал со шкафа старую

деревянную коробку, где хранились год от года, дожидаясь своей участи, новогодние украшения. Вот они. Яркие. Красочные. Разноцветные. Только и любоваться ими. Моя любимая игрушка это часы. Позолоченные, большие, круглые. Их покупала бабушка, когда мама была совсем маленькой. Даже сейчас, через много-много лет, эта игрушка украшает собой нашу искусственную ёлочку, которую теперь наряжают мои племянники – Ксюша и Саша. А тогда, лет двадцать с небольшим назад, это ответственное задание не обходилось без наших детских рук. Ёлку ставили в нашей комнате у телевизора в деревянную крестовину, и всей семьёй преображали её зелёные ветви шарами. Голубыми, оранжевыми, красными... всякими-всякими. Сверху посыпали всё серебристым дождём и включали гирлянды, которые, весело играя огоньками, отражались в стеклянных игрушках. Как же было красиво, весело и тепло от того, что мы всей семьёй играем в общую игру, и большие и маленькие, все вместе притронулись к сказке.

– Ну вот, и наша ёлочка теперь как принцесса на балу, – улыбался папа.

– Настоящая красавица, – соглашалась бабушка Зоя.

– А ты её прям из леса принёс? – мне всё про всё нужно было знать. Отец, соглашаясь, кивал, хотя на самом деле купил её на рынке. Я любовался нарядным деревцем и представлял, как папа, один, с топором, как дровосек, пробирался по лесу, утопая в сугробах, в поисках маленькой ёлочки. Но кругом были только большущие с лохматыми лапами ели и сосны. И отцу, утирая перчаткой лоб, приходилось идти дальше, ни капельки не страшась медведей и волков. И кто знает, может быть, даже под нашей ёлочкой прятался заяц-беляк или белочка. От такого воображения дух захватывало. Ведь в нашей комнате сейчас находилось лесное сокровище, частичка чего-то другого, совсем не домашнего. Аромат хвои наполнял комнату приятными новыми вкусами. Иголки колются, осыпаются – настоящее дерево проросло в нашей комнате со своими запахами и целой лесной жизнью. Неведомо какие птицы садились на его ветви, неведомо какие звери любовались его красотой.

Скоро, совсем скоро под ёлочкой окажутся подарки. Мне давно известно, откуда они берутся. Я уже не маленький. Но я не открываю тайну. Разве можно, чтобы сказка заканчивалась? Ведь пока мы верим в чудеса, сказка живёт вместе с нами. Я помню свой первый новогодний подарок. Мне годика три-четыре. Мы тогда жили у бабушки. Утром я с мамой заглянул под ёлочку, где прятались резиновый щенок и котёнок. Валюша ещё спала. Я аккуратно достал игрушку, и мама рассказала мне о добром волшебнике с северного полюса, который дарит детишкам подарки. Эх, сколько раз мы с сестрёнкой пытались подкараулить деда Мороза, лёжа в кроватках, но, не дождавшись, засыпали, а утром под ёлкой находили то куклу, то крепость, склеенную из картона, то машинку, то рубашку... Много чего оставляли добрые руки волшебника. Именно волшебника. Кто бы это ни был, он дарил нам, детишкам, радость. Мы верили в чудеса. А это самое главное.

Рыбаки

Дедушка мой, Квитко Николай Михайлович, заядлый рыбак. Пожалуй, нет в нашем районе пруда или речки, где бы он ни забрасывал леску. Рыба, наверное, таких рыбаков чует за версту, уважает, старается никоим образом не обидеть и угодить именно в их руки. И ведь действительно сколько раз замечал – один с удочкой просидит весь день, поплавок не шелохнется. Другой

же, в двух шагах, только и успевают таскать карасей на жарёху. Вроде бы и наживка одна, и всё то же самое, а нет, не обманешь рыбу. Знает она, где, у кого и когда клюнуть.

В свои семьдесят четыре года дед по-прежнему выезжает на реку и не расстаётся с удочкой. Правда, тяжело уже с годами и в гору подняться и лишний раз согнуться, но всё же великий азарт рыболовства берёт своё и с невидимой силой манит к водоёму. Зимой Николай Михайлович рыбачит редко. И потому в студёные январские холода за чашечкой горячего чая вспоминаются ему тёплые летние деньки, утренние сумерки, рассветы и туманы, тишина прохладного утра... Но стоит только весне-красавице распустить косу, заглянуть в наши края и прогнать стужу, как дед начинает готовить снасти. Своего не упустит. Ни один день не пройдёт даром.

Несколько раз дедушка брал и меня с собой удить рыбу. На большую реку – Оку или Волгу, куда частенько отправляются многие рыбаки из нашего села, дед не большой охотник выезжать. Душевное удовольствие приносит не сам таковой улов, как его процесс. Приятно понаблюдать за поплавком, когда он игриво пляшет на воде. Ничто тебя не тревожит, ничто не отвлекает – ни крик очумевшей чайки, не проходящая мимо баржа. Только ты и природа. Вот где действительно отдых для души, которые немногие поймут.

– Рыбу мы и у нас с тобой наловим, – говорил мне дед. – Рыба есть.

– Большая?

– Какуюймаешь, такая и будет.

В начале лета, как только рыба откладывает икру, мы собирались на рыбалку. Утром дед заезжал за мной на красной «Оке». Каждый раз минут на пятнадцать раньше назначенного времени. Договаривались вроде бы к четырём, но уже без четверти машина дожидалась меня у дома. Со временем я стал привыкать к такому ненарочному подвоху и вставал раньше. Каждый раз дед встречал меня с бодрой улыбкой, внушая тем самым, что рыбы мы сегодня наловим весьма не мало.

– Позавтракал? – всегда интересовался он, как только я усаживался в машину.

– Без этого никак, – кивал я.

– Вот и хорошо. Вот и славно, – соглашался дед, и мы отправлялись за щуками.

До реки Сармы километров пятьдесят. Добирались быстро. За разговорами время летит незаметно. Сама по себе река, на первый взгляд, не внушает большого доверия. Узкая, местами заросшая травой и кустарником. Но рыба водится. И весьма разная. А что нам ещё нужно?

Первым делом ставим жерлицы рогульки. Не спеша идём вдоль берега. Подыскиваем нужное место. Чтобы было как можно меньше травы. А иначе забьётся живец в зарослях и спрячется там. Дед знает куда идти. Не впервой здесь. Я иду рядом, несу бочонок с рыбёшками и жерлицы. Находим место, где внизу под небольшим склоном вода не затянута тиной. Неподалёку кусты. Рыбное место. Но слишком близко ставить нельзя. Схватит добычу, уплывёт под корягу, и не выловишь потом. Уйдёт.

– Здесь рыба есть, – уверяет меня дедушка. Я ему верю. Если дед говорит, что рыба есть, значит, так тому и быть. Где же ей ещё плавать, как не тут?

Мы начинаем ставить жерлицу. Жерлица весьма хитрая задумка. Берётся обычная палка, у деда она двухколенная, чтобы умещалась в машине. При помощи крепкой бечёвки закрепляем рогульку (рогатку) к верхней

части палки, на которую крест-накрест наматывается леска и закрепляется в расщепе, чтобы преждевременно не размоталась. Достаем из бочонка живца (дед заранее наловил мелких карасей), через жабры просовываем поводок и надеваем крючок. Забрасываем рыбёшку в воду, а заострённый конец палки накрепко втыкаем в берег. Вот и весь фокус. Пока карасик плавает туда-сюда, заманивая серебристой чешуёй тётушку щуку, мы с дедом идём дальше расставлять жерлицы. И каждая ставится в подходящем месте, которое мы с дедушкой тщательно подыскиваем. Пока рыбные ловушки делают своё дело, мы начинаем ловить уклею. Рыбёшка эта чем-то очень напоминает голяна, только крупней размером и светлее.

– Уха из этой барышни получается отменная, – говорит дедушка. – Я тебе расскажу, как правильно готовить её. Приготовишь, с матерью пальчики оближите.

Мы располагаемся вдоль дороги, у моста. Здесь и река пошире, и удобно забрасывать катушкой. Из машины берём всё, что нам нужно. У деда всё самое необходимое и что может понадобится в любую минуту, всегда под рукой. Удочки, ведра под улов, ведро с прикормкой, банка с червями, с опарышами, с перловкой, тесто. Два стула. Набор крючков, грузила, поплавки, лески. Рогатины для удилица и тряпка для рук. Складной нож всегда при дедушке. Привязан верёвочкой к куртке и хранится в кармане.

Усаживаемся поудобнее, разматываем удочки и начинаем рыбачить. Ловим на опарыша. На эту маленькую козюльку уклея берёт особенно хорошо. Клюёт так, что только успевай забрасывать удочку. Такую рыбалку я люблю. Пусть и мелкая рыбёшка, а всё же. Крупная тоже от нас не уйдёт, нет-нет, да позарится на живца. Приглянётся наш карасик.

– Ну вот, и уха наварил, – улыбается дед, заглядывая в моё ведро.

– Жарить-то её хоть можно? – интересуюсь я.

– А чего бы нет. Жарить любую можно. На то она и рыба, – говорит дед. – Я вот тебя научу, как правильно уху из неё варить. Домой приедешь, перво-наперво сразу почисть. Чистится легко. Пустишь в кастрюлю, как закипит вода, добавишь пшена и картошки. Позже лука и моркови. Из холодильника возьмёшь сливочного масла...

– Откуда знаете, что у меня в холодильнике есть?

– Что, разве масла сливочного нет? – улыбается дед моей рассеянности. Я соглашаюсь. – Ну, так вот, добавишь чайную ложку сливочного масла. И уха выйдет на славу.

Каждый час мы с дедом идём проверять жерлицы. Если леска с рогульки размотана, значит, попалась голубушка – нас дожидается. Я вынимаю палку и веду леску на себя. Показывается щука. Чем ближе к берегу, тем рыба сильнее бьётся хвостом о воду. Извивается, словно уже попала на сковороду. Не хочет к нам, а надо. Дед подсаживает её сачком и вытаскивает на берег.

– Ого, какая! – радуюсь я первому крупному улову. Килограммовая щука в дедушкиных руках успокаивается, замирает и ведёт себя послушно. Пятнистая, брюхастая. Эка, какая красавица. Что ни говори, а с таким уловом и домой приезжать не стыдно. И хочется как можно больше выловить таких же собратьев. Мы насаживаем нового живца, ставим жерлицу на место и идём проверять следующие.

Как только улов радует глаз, рыбалка завершается, и снасти убираются в машину. Ехать сразу домой не спешим. Тщательно моем руки и усаживаемся у берега, чтобы перекусить. Дед достаёт из пакета огурцы, помидоры,

варёные яйца, лук, я вынимаю хлеб и котлеты. Приятно всё же пообедать на свежем воздухе, на природе. Даже еда кажется намного вкуснее и с превеликим удовольствием уминается за обе щеки. Любуемся речкой. Рядом нет-нет, да пропищит комарик, вдалеке послышится и разнесётся озорное кваканье. Тёплый весёлый ветерок приятно заигрывает с волосами, забирается под рубашку и щекочет спину. Хорошо. И уезжать неохота. Ещё какое-то время смотрим на воду. Молча любуемся природой. Каждый думает о чём-то своём. Затем убираем за собой мусор и довольные направляемся к дому.

В конце августа начале сентября несколько раз выезжали с бабушкой на Ламовку. За карасями. Рядом с Дивеевым, километрах в десяти, находится детский оздоровительный лагерь «Солнечная поляна», окружённый лесом. В лесу, как упавшая с неба огромная капля, расположен пруд, окольцованный берёзами и елями. Это место и прозывают Ламовкой. Жарким летом местный люд с ребятами приезжает сюда искупаться. Вода здесь чистая, место красивое. Песчаный пляж, песчаное дно – купайся на славу, нежись под солнышком, загорай, сколько душе угодно. Вода прозрачная, если не взбаламутит малышню. На дне бьют родники. На глубине вода ледяная, а на поверхности как парное молоко. Плывьёшь, бывало, на спине и никак не налюбишься пейзажем. Даже и не верится, что такая благодать рядом с нами находится.

Именно сюда ближе к осени раним утром мы и приезжали с бабушкой ловить карасей. Подберём местечко возле деревьев, примостимся поудобнее, забросим удочки и с деловым видом следим за поплавками. Ловим на перловку. На червя, конечно, тоже клюёт, но измучает гольян. Рука устанет вылавливать. Не успеет ещё крючок с грузилом опуститься, как червя уже дербанят всюю. Маленькая рыбёшка, а прожорливая какая.

Когда подолгу не клюёт, мы с дедом переглядываемся и одновременно вздыхаем.

- Не желает что-то нынче брать, – отчаиваюсь я.
- Не раскисай. Возьмёт, – уверяет меня бабушка и бросает в воду горсть прикормки. – Должен клонуть.
- Может, ушла?
- Если только в магазин. Счас вернётся.

Мы с дедом весело смеёмся. Я снимаю перловку и насаживаю червя, чтобы не сидеть, как истукан. Наловлю хотя бы кошке. Здесь гольян мелкий. А в соседней от нас деревеньке Полупочинки в пруду водится довольно крупный. Бабушка такого пускает на шпроты. Поставит казанок на плиту, выложит в ряд рыбу, зальёт маслом, посолит и снова в рядок и снова маслом. Часов пять на малом огне, и домашние шпроты готовы. Как магазинные. Из ротанов, которые по осени клюют особенно хорошо, когда нападает жор, мама делает котлеты. Вообще эта рыба отчаянная, клюёт в любое время суток, опусти только перед носом червя или кусок сала. Мясо у них белое, вкусное. Крупные головки идут сразу на жарёху, помельче – на котлеты. Рыбные котлеты вообще моя слабость. Могу уплетать одну за другой и не надоест. Мама знает это, и потому в её умелых нежных ладонях котлеты получаются особенно вкусными. Рыба потрошится, пускается через мясорубку, превращается в фарш. Мелко нарезается лук и варёное яйцо, вымачивается в молоке мякоть белого хлеба. Всё это перемешивается с фаршем. Из фарша катаются котлеты, обваливаются в муке и кладутся на сковороду. Получается объедение. Одно только плохо с ротанами – заглатывают крючок по самый хвост. И если нет под рукой острого ножа, как у бабушки, исплюёшься весь, пока освободишь.

Дед вылавливает карася. Я подбегаю, быстро рассматриваю рыбу и спешу на своё место. Снимаю с крючка червя, насаживаю перловку, забрасываю леску и в ожидании слежу за поплавком. Процесс пошёл. Клёв будет. Не мог же этот отшельник-одиночка подплыть к берегу один. В это верить я никак не желаю. Изредка поглядываю на дедушку, который нет-нет, да выловит рыбу, и с надеждой смотрю на воду. Вообще, подсекать в этих местах нужно осторожнее. Рядом, как огромные лапы, деревья раскинули ветви и того гляди норвят схватить твою леску и запутать. Пожалуй, это самое неприятное в рыбалке – распутывать леску. Но, как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить.

Откуда ни возьмись, появляется серая мышка и внимательно следит за мной. Любопытная. Интересно, видать, ей стало, что делает дядя Великан. Я кидаю ей перловые зёрна. Зверёк пропадает в густой траве, но вскоре появляется и принимает моё угощение. Я цепочкой к себе выстраиваю зёрнышки. Мышь хватает по одной и убегает в траву. Приближаться ко мне ближе не спешит. Тоже себе на уме. Не обманешь. Я бросаю зверьку ещё горсть каши и стараюсь ему не мешать. Пусть кушает.

Люблю приезжать в эти места ранним утром, когда сумерки. Пруд, охраняемый деревьями-стражниками, укутан белоснежным пуховым одеялом. Кажется, что сама природа ещё сладко спит, только мы с дедушкой, два полуночника, не даём ей покоя. Туман на воде потихоньку рассеивается и исчезает совсем. Из-за деревьев прорезаются тонкие солнечные нити. Освещаются макушки, затем зелёные стволы, и медленно ложится на воду яркий платочек солнца. Кажется, что и не водица это вовсе пред тобой, а чистое и гладкое зеркало, в котором отражаются облака и деревья. Очень красиво. Свистеть хочется. Радоваться. Душой отдыхаешь в такое утро, прогоняя мысленно все невзгоды от себя.

Обязательно с дедушкой, перед тем как собраться обратно, берём по ведёрку и, бредя вдоль берега, углубляемся в лес. Тут тебе и подберёзовики с груздями, и маслята с волнушками прячутся в траве у самых корней. И белый гриб частенько встречается. Как по рынку гуляешь – этого возьму, а этого обойду стороной.

– Ну вот, и двух зайцев одним махом убили, – улыбается дед с полным ведром грибов.

Я соглашаюсь с дедушкой. Одобрительно киваю, и мы не спеша идём к машине. И рыбы наловили, и грибов насобирали, и душой отдохнули. Что может быть лучше? Превосходно встретили утро, прекрасно провели время. И это главное.